

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА
В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»
Religious Lexis in the Kalmyk Heroic Epic *Dzhangar***

Н. Б. Бадгаев (N. Badgaev)¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Researcher of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

В статье на примере корпуса электронных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» выделяются пять тематических групп религиозной лексики, которые чаще всего встречаются в эпическом тексте: наименования важнейших понятий буддизма, отражающие постулаты буддийского вероучения и нравственно-религиозной этики; лексемы, обозначающие предметы буддийского культа и культовые объекты; номинации буддийских священнослужителей; наименования буддийских обрядов и ритуалов; теонимы (имена божеств).

Ключевые слова: калмыцкий эпос «Джангар», буддийская лексика, термин, религионимы, эпический текст, семантика.

Dzhangar has a special place among texts of the folklore corpus, as it is considered to be the basic epic text of the Oirat-speaking ethnoses, having both regional and local versions. The analysis of the lexical structure of the Kalmyk version of the epic and namely of the Buddhist lexis, reflecting images of their creators regarding the religious and sacred way of life, is of great interest. It should be noted that some words possess semantically transparent meanings, whereas others bear rather deep and often non-obvious meanings, some of which are hard to understand owing to the intention of the creators of the epic itself.

In addition, the major stratum of the Buddhist lexis is composed of borrowed words coming from Sanskrit and the Tibetan language, which have gone through the process of phono-morphological assimilation and have been adjusted to the graphic and spelling norms of the receiving language.

The religious lexis presented in the epic is far from thematically homogeneous. Thematically speaking, nominations of the Buddhist religion tend to be combined into five basic groups. The specific feature of Buddhist lexis in the epic text is defined, first of all, by its composition and function, and by a complicated semantic structure as well (containing both terminological and symbolic word meanings). To reveal a special symbolic meaning containing religious semantics either of a word or a Buddhist term one can refer to background knowledge.

Keywords: the Kalmyk epic “Dzhangar”, Buddhist lexis, term, religious terminology, epic text, semantics.

Одной из специфических коммуникативных сфер является религиозная коммуникация. Как отмечают исследователи, «сфера богослужебного (религиозного) общения представляет собой коммуникативную сферу, наиболее тесно связанную с традицией, уходящей в средневековье, и потому наиболее консервативную по отношению к соблюдению традиционных норм поведения» [Современный русский язык 2003: 342].

В последнее время исследователи калмыцкого языка все чаще выделяют в его словарном составе определенные тематические и лексико-семантические группы и

проводят детальное изучение особенностей семантики входящих в них лексических единиц.

В калмыцком языке, как и в других языках монгольской группы, религиозная лексика занимает особое место, поскольку буддизм составляет основу духовной культуры ряда кочевых народов Центральной Азии. Жизньномада была связана с религией. Искренняя вера, неукоснительное следование буддийским канонам и традициям, регулярное посещение храма и участие в молебне, строгое соблюдение религиозных предписаний, постов и праздников формировали его мировоззрение и нравственные установки.

Калмыкия — одна из трех буддийских республик современной России. В последние два десятилетия после снятия религиозных запретов интерес калмыков к буддизму значительно возрос. Современная научная парадигма в буддологии характеризуется множественностью подходов, моделей и смыслов. Роль буддизма в истории и культуре этноса переосмысливается сегодня заново. Соответственно, возрастает потребность в освоении буддийской терминологии. Перед учеными стоит задача оперативного включения калмыцкой религиозной лексики, незаслуженно изгнанной из лексикографических источников и текстов СМИ в годы тоталитаризма и всеобщего атеизма, в современные словари, осмысления и разработки принципов и способов адекватного и в то же время доступного перевода и толкования сложных буддийских терминов.

Как известно, еще в начале XVIII в. был создан тибетско-монгольский терминологический словарь по буддизму — «Мэргэд гарахын орон» (Источник мудрецов). Этот словарь не раз становился объектом исследования [Дандарон, Семичов 1960; Дандарон, Пубаев 1968], сохраняя актуальность и сегодня.

Исследования буддийской лексики, в особенности терминологии, несостоятельны без глубокого изучения буддизма в целом как многомерного феномена и буддийской языковой картины мира как точки пересечения двух важнейших знаковых систем — религии и языка, который ее обслуживает. Именно слово выступает как средство обозначения реалий повседневной религиозной жизни в прошлом и настоящем, как хранитель сакральной информации и транслятор буддийских ценностей, религиозной традиции и культуры.

Буддийская терминология монографически исследовалась на материале бурятского языка [Будажопова 2000]. В ряде работ калмыцких лингвистов рассматривалось функционирование буддийской лексики в отдельных фольклорных жанрах: эпосе [Тодаева 1976; Пюрбеев 1993; Омакаева 1997; 2004; Салыкова 2007], сказке [Омакаева 1995; Бадмаева 2004].

В корпусе фольклорных текстов монгольских народов особое место занимает эпос «Джангар», который является базовым эпическим текстом ойратоязычных этно-

сов, имеющим региональные и локальные версии. Религиоведческие аспекты изучения эпоса «Джангар» затрагивались в работах Э. П. Бакаевой [Бакаева 1997]. В связи с этим анализ лексической структуры калмыцкой версии эпоса и, в частности, буддийской лексики, в которой закодированы представления создателей эпоса о религиозной, сакральной сфере жизни, представляет особый интерес.

Значения некоторых слов лежат как бы на поверхности, они очевидны. Другие имеют иной, далеко не всегда явно выраженный и поддающийся бесспорной расшифровке слой, глубинный смысл, являющийся воплощением интенций коллектива, приведших к порождению эпического текста.

Основной пласт буддийской лексики составляют заимствования из санскрита и тибетского языка, которые прошли этап фonomорфологического усвоения и были преобразованы в соответствии с правилами графики и орфографии принимающего языка. Заимствованная лексика имеет свои особенности, связанные с ее иноязычным происхождением, с разными путями проникновения слова в данный язык (устный или письменный, непосредственно из языка-источника или через язык-посредник).

Религиозная лексика, представленная в эпосе, тематически неоднородна. На наш взгляд, номинации, относящиеся к сфере буддийской религии, можно тематически объединить в пять основных групп:

1. Названия общих отвлеченных понятий, связанных с религиозным мировоззрением: *бурхн* 'божество', *шажн* 'религия', *ном* 'учение', *сэкусн* 'гений-хранитель', *буйн* 'добродетель, заслуга', *шагшавд* 'нравственность', *махмуд* 'первоэлемент', *аршан* 'божественный напиток, нектар', *мань*, *тэрн* 'заклинание, магическая формула'.

Характеристику буддийской лексики целесообразно начать со слов, обладающих наиболее общим значением, например, *бурхн* 'божество'. Существительное *бурхн*, относящееся к общемонгольскому лексическому фонду, первоначально употреблялось для обозначения божеств добуддийского пантеона. Широкое употребление данной лексемы в буддийском контексте привело к тому, что впоследствии она, по сути, перестала вызывать какие-либо небуддийские ассоциации.

Өмн бийднь Бум жова олн бурхннь Бүүрлгсн бээдг (МД 2–105). Бурхнаннь шажэн нарн мет мандлж, Йиртмжсин төр, хад мет, батрж (ЭО 9–24). Ар Бумбин нутгиннь сэкуснд зальврж (ЭО 9–327). Йовгсн кергчн, кукн, номин Йосар күүтхэ, алтн хаалх өгтхэ, – гилдв (МБ 4–501). Хоңһр хамг магтал магтад Деедс дүрдэд, хамг һазрин Маань номшад йомна (БО 1–1468).	С передней стороны Сто тысяч 10 миллионов бурханов Находятся. Религия бурханов, как солнце, сияет, Вселенское правление, подобно скале, укрепилось. Помолились гениям-хранителям страны Ар Бумба. «Пусть твое дело исполнится по закону учения, пусть откроет золотую дорогу», – сказали. Хонгор, совершая все макталы, Поминая верховных божеств, Читает мани.
--	--

Следует отметить, что слово *бурхн* туара Давы Шавалиева в словосочетании
встретилось в тексте первой главы репер- *бурхн цаһан ээж аав хойран*:

Бурхн цаһан ээж аав хойран Көвүн уга хаяд ирсн (ДШ 1–4).	Светлых, как бурхан, родителей Оставил без сына.
--	---

2. Номинации, относящиеся к буддий- Последовательность степеней образует ие-
скому духовенству: а) названия санов, уче- рархию. В качестве примера лексем, отно-
ных степеней и должностей духовных лиц; сящихся ко 2-й группе, рассмотрим некото-
б) названия, относящиеся к одеянию, пище рые термины.

Священнослужители различаются по В эпическом тексте встречается слово
монашескому сану, степени и должности. *гевгү* — блюститель порядка в буддийском
монастыре:

Хөрн тавн гевгүһин ахлгч Өрүн цаһан гевгү күртлэн: – Юн мөрнэс һарсн мөрн иим сээхмб Юн күүнэс һарсн күн иим сээхмб? (МБ 4–497, 498).	Возглавляющий 25 гевкюев Арюн Цаган гевкю сказал: – От какой лошади появился такой прекрасный скакун? От кого родился такой прекрасный человек?
---	--

Многие буддийские термины являют- (один из высших санов буддийского духо-
ся вторичными номинациями, например, венства), теонимов — имен буддийских бо-
термин *гегэн*, который употребляется в со- жеств. Примеры:

Арвн богд гегэн эдстидлгсн Өрүн цаһан мирдинь Зүркн маңна хойртан эдслэд, Андһар [өгв] (БЦ 3–105).	Благословленный 10 богдо-гегенами Священный белый мирде Приложив ко лбу и сердцу, Дал клятву.
--	--

Кроме того, слово *гегэн* употребляется в эпическом тексте в значении ‘лик’:

Алдр нойн богд, тана гегэг Арвн тавн сард үздг болхнь! (БЦ 3–928).	Великий нойон-богдо, Ваш лик Лицезреть бы 15 месяцев!
--	--

Термин *богд* (высший титул) встречается в эпическом тексте самостоятельно:

Тавн сай шевнр Таңсг богдын өлзэд Тана, мана уга Дүкрэгсн бээдг (МД 2–110).	5 миллионов монахов-шабинеров Во благо благородного богдо Все без исключения Пребывают в покое.
---	--

Слово *гелң* обозначает духовное лицо, имеющее буддийский монашеский титул «гелюнг» (третья монашеская степень в

буддизме, носитель которой принимает 253 обета):

Хурларн хурхар йовцхасн гелңгүд
(МБ 4–496).

Гелюнгги, идущие на службу

3. Наименования буддийских обрядов и ритуалов.

В данную группу входят такие слова,

Алдр богд Жаңһрин
Нэгр алтн ширәһэснь
Әдс авад нархла (ЭО 9–201).
Догшид гидг хурлыг
Догшар хурулад,
Догшин номар
Гүрмән келгсн бийнь (МБ 1–576).

От Великого богдо Джангара
Золотого престола
Получив благословение, вышел.
Догшитский хурал
Заказав грозно,
С помощью грозного учения
Заказал обряд «гюрюм».

4. Названия предметов буддийского культа, храмовых построек и их частей, культовых сооружений.

В качестве примера приведем термин

Очр-юуһинь бумблад (МД 2–98).
Очр-юуһинь бомблгсн (БО 1–42).

очр ‘ваджра’ (один из главных символов буддизма). Ваджра имеет форму скипетра и символизирует пробужденное сознание, является атрибутом многих будд и бодхисатв.

Сделав наверхие-купол над очиром.
Сделавшие наверхие-купол над очиром.

Другой пример – слово *мирд*, этимология которого объяснена в работе А. Ш. Кичикова [Кичгэ 1979: 74]. В эпосе «Джангар», в частности, в 9 главе цикла Ээлян Овла

трижды упоминается амулет под названием «*күүкн цаһан мирд*» («девственно белый мирде»), который обладал особой охранительной силой.

Ода эн хаана
Күүкн цаһан мирдинь
Күзунәснь авгсн цагт
Күүкд кевтә бәргдх (ЭО 9–432).

Теперь этого хана
Девственно-белый мирде
Когда снимут с шеи,
Как ребенок, будет схвачен.

Мирде изготавливались в традиционной технике. Они «состоят из двух частей: из оберега в виде глиняного цаца, рельефного металлического изображения или небольшого живописного изображения и металлического или деревянного футляра» [Меняев,

Санджиев 2010: 64].

Архитектурное сооружение, предназначенное для совершения молебнов и религиозных обрядов, у калмыков называется *хурл*. У монголов и бурят этот же термин обозначает молебен (ср. *хурал* ‘собрание’).

Тал дунднь
Талван цаһан хурлнь бүүрлгсн бээдг
(МД 2–98).

Посередине
Белый хурул располагается.

5. Теонимы (имена буддийских божеств).

Следует отметить, что в религиозный лексикон эпоса входят имена собственные (теонимы) санскритского и тибетского происхождения (Ямантака, Махакала,

Майтрея, Цзонхава, Зеленая Тара), появление которых в монгольских языках, в том числе и в калмыцком языке, объяснимо религиозными и культурными контактами с восточными народами, исповедовавшими буддизм.

*Яснь гихнь — Ямн-Далан гегэн,
Махнь гихнь — Мах-Налын гегэн гидгл*
(МБ 1-467, 469).

*Мах-Налын гегэн хан көлгөх цагтан
«Ма» нертэ үзг тамһан дарж бурхн
болгсн.*

*Зуцкван гегэн хан көлгөж йовх цагтан
Зу шаран алтн тамһан дарж бурхн
болгсн* (МБ 1-532, 534).

Маңнаднь Мэдрин гегэни

Мал алтн дүр

Эврэн бүтгсн (БЦ 1-166).

Маңнаднь

Мэдрин гегэни дүр бүтгсн (БЦ 3-176).

Кости — Ямантака,
Тело — Махакала, — говорят.

Когда правил Махакала,
Стал бурханом, поставив печать буквы «Ма».

Когда правил Цзонхава,
Стал бурханом, поставив золотую печать
желтой веры.

На его лбу Майтрейи

Золотой образ

Сам появился.

На его лбу

Майтрейи образ появился.

Следует отметить, что некоторые термины встречаются в эпических текстах репертуаров разных сказителей в фонетических вариациях, что зафиксировано и на письме (бумб – бомб, гүрм – гөрм и т. д.).

Таким образом, специфика буддийской лексики в эпическом тексте определяется ее составом и функцией, сложной семантической структурой (наличие терминологического и символического значений). Информация о символической функции денотата слова должна входить в словарное толкование на основании анализа дефиниции лексемы. Символическое значение формируется в результате приобретения предметом или действием особой функции. При этом могут участвовать традиционные типы переноса значения: метафора, метонимия, функциональный перенос. Особое символическое значение слова с религиозной семантикой или буддийского термина можно выявить, обратившись к фоновым знаниям.

Что касается лексикографической фиксации буддийской лексики, то применительно к названиям разного рода предметов

буддийского культа, в т. ч. буддийских музыкальных инструментов, можно применить традиционное гиперо-гипонимическое (родовидовое) толкование. Но здесь важно, чтобы словарная дефиниция буддийского термина представляла собой описание семной структуры слова, а толкование, приводимое в толковом словаре эпоса, не носило чисто энциклопедического характера.

Буддийская лексика, классифицированная по тематическим группам, свидетельствует о ее богатстве и разветвленности. Семантическая структура интересующих нас лексем, в т. ч. терминологического характера, специфика их дефиниций, особенности выявленных тематических групп требуют дальнейшего серьезного исследования.

Сокращения

1. МД — Малодербетовская версия;
2. БЦ — Багацохуровская версия;
3. ЭО — цикл песен Ээлян Овла;
4. МБ — репертуар Мукебюна Басангова;
5. БО — репертуар Бадмы Обушинова;
6. ДШ — репертуар Давы Шавалиева.

Литература

- Бадмаева С. С. Язык и стиль сказок монгольских народов (на материале лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 23 с.
- Бакаева Э. П. «Джангар»: религиозно-этический аспект изучения // Теегин герл. 1997. № 3. С. 31–43.
- Будажанова Л. Б. Буддийские термины в современном бурятском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 23 с.

Дандарон Б. Д., Семичов Б. В. О тибетско-монгольском словаре «Источник мудрецов» // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. Серия востоковедения. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1960. С. 58–68.

Дандарон Б. Д., Пубаев Р. Е. Источник мудрецов (тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма). Улан-Удэ, 1968. 140 с.

Кичгэ Төлэ. Үгин туск үг. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1979. 101 х.

- Меняев Б. В., Санджиев Ч. А. О калмыцких оберегах мирде // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 63–64.
- Омакаева Э. У. Некоторые буддийские мотивы и буддийская лексика в калмыцких сказках о Гэсэре // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии (Материалы и тезисы Международной научной конференции). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 135–136.
- Омакаева Э. У. Национальный эпос: язык, религия, картина мира // Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия – Восток – Запад в судьбе народа: докл. и тез. Междунар. симпозиума, г. Улан-Удэ, 24–28 авг. 1997 г. Улан-Удэ, 1997. С. 30–32.
- Омакаева Э. У. Лингвокультурологическое исследование эпического текста и проблема буддийской картины мира // «Джангар» в евразийском пространстве: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Элиста, 27 сент. – 2 окт. 2004 г. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 97–99.
- Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
- Салыкова В. В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2007. 33 с.
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славян. культуры, 2003. 582 с.
- Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

References

- [The Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 582 p. (In Russ.)
- Badmaeva S. S. [Language and Style of Fairy Tales of Mongolian Peoples (on the material of vocabulary)]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Elista, 2004. 23 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [“Jangar”: Religious Aspect of Study]. *Teegin Gerl*. 1997. No. 3. Pp. 31–43. (In Russ.)
- Budazhapova L. B. [Buddhist Terms in Modern Buryat Language]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Ulan-Ude, 2000. 23 p. (In Russ.)
- Dandaron B. D., Pubayev P. E. [Source of the Sages (Tibetan-Mongolian Terminology Dictionary of Buddhism)]. Ulan-Ude, 1968. 140 p. (In Russ.)
- Dandaron B. D., Semichov B. V. [On Tibetan-Mongolian Dictionary “Source of the Sages”]. In: [Proceedings of Buryat Research Institute of Siberian Department of the USSR Academy of Sciences]. Iss. 3. Series of Oriental Studies. Ulan-Ude: BRI of the USSR AS, 1960. Pp. 58–68. (In Russ.)
- Kichgä Tölä. [Word by Word]. Elista: Kalm. Book Publ., 1979. 101 p. (In Kalm.)
- Menyaev B. V., Sandzhiev Ch. A. [On the Kalmyk Amulets “Mirde”]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2010. No. 1. Pp. 63–64. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [Linguocultural Study of the Epic Text and the Problem of the Buddhist Picture of the World]. In: [“Jangar” in the Eurasian Space]. Conf. proc. (Elista; 27 September – 2 October, 2004). Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 97–99. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [National Epic: Language, Religion, Picture of the World]. In: [Buryat Mongols on the Eve of the III Millennium: Experience of Nomadic Civilization. Russia – East – West in the Fate of the People]. Reports at International Symposium (Ulan-Ude; August 24–28, 1997). Ulan-Ude, 1997. Pp. 30–32. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [Some Buddhist Motifs and Buddhist Vocabulary in Kalmyk Tales about Geser]. In: [Geseriada, Spiritual Heritage of Central Asian Peoples]. Conf. proc. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS, 1995. Pp. 135–136. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. [Epic “Jangar”: Culture and Language (Ethnolinguistic Etudes)]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 128 p. (In Russ.)
- Salykova V. V. [Lexico-stylistic Features of the Language of the Xinjiang Oirat and Kalmyk Versions of the Epos “Jangar”]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Elista, 2007. 33 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. [Experience of Linguistic Research of the Epic “Jangar”]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)